

Инна Владимировна

Hassliebe

16+

Инна Владимировна

Hassliebe

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Владими́рова И.

Hassliebe / И. Владимиро́ва — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Он привык ходить по головам ради своих целей и не знает слова «нет», ей — чуждо подчинение. Их встреча стала проклятием, которое не сулит им обоим ничего хорошего. Но наступил самый настоящий апокалипсис, так что другого выбора нет — им придется пойти против самих себя.

Часть 1: Him. Глава I

Во втором часу пополудни посетители одного из лучших ресторанов Кракова вовсю веселились. Тускло горели хрустальные люстры, придавая царившей в зале атмосфере какую-то загадочность. Шампанское приятно шипело в бокалах. Оркестр весь вечер радовал приятной медленной музыкой. Никто еще не знал о том, что произойдет через каких-то полгода.

Генрих фон Оберштейн сидел за столиком в углу зала и, медленно потягивая шампанское из бокала, взглядом следил за столиком в центре зала, вокруг которого весь вечер царило оживление. Кто-то приносил цветы, кто-то подходил и, застенчиво что-то сказав, почти сразу же отходил, кто-то приглашал на танец. Все дело было в том, что за столиком сидела Ида Берг – молодая певица, которая пару раз спела в начале этого вечера. Вместе с ней сидела ее мать – женщина в роскошном темно-зеленом платье с соболиной горжеткой на плечах.

Ида пользовалась успехом – зрители всегда восхищались ею и многие пророчили ей славу Марлен Дитрих. И это было правдой – всех пленяла ее очаровательная внешность, изящные движения, красивые кудри медного цвета и чарующий сопрано. Была лишь одна проблема, стоявшая на пути к ее успеху, – Ида была еврейкой.

Генрих знал об Иде все. Знал, что несмотря на то, что выглядит она намного старше, ей совсем недавно исполнилось девятнадцать лет. Знал, что ее мать – русская эмигрантка, сбежавшая в Революцию сначала в Германию, а затем в Польшу. Знал, что ее мать скрывает тот факт, что Ида – еврейка, выдавая ее и себя за полячек. Знал, что вся семья Бергов живет в Казимеже – еврейском районе Кракова. Знал, что по воскресеньям Ида собирала у себя молодежь, преимущественно музыкальную. Знал, что она училась в консерватории и сейчас давала концерты не только в ресторане Кракова: чуть больше года назад она выступала в Варшаве и пару месяцев назад – в Стокгольме. Знал, что Ида мечтает о карьере певицы, мечтает петь не в ресторанах, а на большой сцене. Он знал о ней все, хотя не общался с нею ни разу и видел лишь третий раз в жизни. Такова была его работа.

Приехав из Мюнхена в Краков якобы на фабрику к дядюшке, двадцативосьмилетний Генрих фон Оберштейн на самом деле работал на абвер, занимаясь шпионажем против Польши. К слову, и фабрика, и дядюшка реально существовали, только вот этот самый дядюшка не спешил пока ни с кем делиться своей фабрикой, а уж тем более с нагловатым сыном своего брата, поэтому служил лишь прикрытием.

В углу, где его, кроме официантов, никто не замечал, Генрих просидел весь вечер, так и не решаясь подойти к ней. Его смущало то количество молодых людей, которые настойчиво штурмовали несчастный столик в центре зала. Но несомненно радовало то, что Ида с дежурной улыбкой отказывала всем, кто звал ее на танец, но охотно принимала букеты и складывала их на стоящий рядом свободный стул.

Лишь в самом начале, после ее короткого выступления, ему удалось немного потанцевать с ней. Мягко увлекая ее за собой в танец под негромкую и приятную музыку, он, уже вдоволь насмотревшись на нее издалека, внимательно изучал каждую черточку ее лица.

– Вы что-то пытаетесь там найти? – тихо спросила Ида, улыбнувшись.

– Нет, ну что вы, – усмехнулся Генрих и добавил спустя пару секунд: – Вам идет черное.

Девушка, делая вид, что не придает значения этим словам, или действительно пренебрегая ими, осторожно и нежно притронувшись длинными, тонкими пальцами к плечу Генриха, сказала:

– Кажется, за этот вечер мне говорили об этом тысячу раз...

– Значит, я скажу в тысячу первый, – не отступал мужчина.

– Это банально. Все надевают черное вечером.

– Отчего же только вечером? И в траур тоже.

– Хотите сказать, что я ношу траур?

– Все нет, – вздохнул Генрих и примирительно улыбнулся. – Давайте больше не будем говорить сегодня об этом?

Ида, улыгнувшись ему в ответ, согласилась

Сейчас же, когда большая часть посетителей была пьяна и засыпала за столиками от количества выпитого, не обращая внимания на красивую еврейку, Генрих решил воспользоваться случаем и подойти, поэтому решительно поднялся со своего места и двинулся к столику.

– Добрый вечер, – мужчина сначала поздоровался кивком головы с матерью Иды, а затем быстрым движением схватил девушку за руку и ловко поцеловал ее пальцы. – Разрешите представиться, Генрих фон Оберштейн.

– Это снова вы, – Ида приветливо улыбнулась ему. – Я уж думала, что вы сбежали, так и не сдержав свое обещание угостить меня шампанским.

– Кажется, – ее мать посмотрела на него, чуть сощурив глаза, – мы уже с вами виделись.

– Я один из тех счастливчиков, которые смогли в самом начале вечера украсть у вас дочь на танец.

– Нет-нет, – женщина покачала головой, – я имела в виду, что видела вас до этого...

– Возможно, мы встречались на вечере у пана Сыма [1]?

– Да, припоминаю, – женщина приятно улыбнулась, вспомнив.

Он добился, чего хотел, – произвел на ее мать приятное впечатление. А ведь именно от ее мнения зависело поведение Иды – Генрих заметил, что все остальные молодые люди, что подходили к этому столику, не нравились пани Берг, поэтому к ним было такое отношение со стороны девушки. Но сейчас же, пани Берг приятно улыбнулась и предложила ему присесть за столик.

Хотя, возможно, дело было в другом – пани Берг просто знала, что Генрих фон Оберштейн – аристократ и наверняка родственник предпринимателя фон Оберштейна, который владел крупнейшим предприятием по выпуску эмалированной посуды в Кракове. И поэтому сразу же решила проверить свою догадку, спросив у него самого об этом.

– Именно так, – Генрих согласно кивнул, когда официант принес им еще шампанского. – Владельцем этого завода является брат моего отца. Но так как мой дядюшка не имеет наследника, он хочет, чтобы им стал я. Поэтому я и приехал в Краков по его приглашению, чтобы он ввел меня в курс дела.

– Ах вот как, – он заметил, как заблестели глаза женщины. Конечно же, она хотела наилучшей судьбы для своей дочери. – Но как такой молодой человек как вы, – Генрих прекрасно слышал, как она открыто льстила ему, но не подавал виду, – смог бросить все и приехать сюда, в Польшу?

Мужчина прекрасно понял, на что намекала пани Берг – ее интересовало, есть ли у него жена. И, решив не разочаровывать ее, ответил, что в Германии ему терять было нечего.

– А, скажите, вы... – начала задавать следующий вопрос женщина, но не успела закончить его.

– Вы немец? – перебила ее Ида, остановив взгляд карих глаз на мужчине. Все это время, пока он говорил, Генрих видел, как менялось выражение ее лица. И если вначале она с интересом смотрела на него, явно вспоминая их недолгий разговор во время танца, то теперь хмурилась тем сильнее, чем дольше слушала его речь.

Генрих, повернувшись к ней, бегло, но внимательно осмотрел ее. Красивое бархатное платье черного цвета с вырезом, открывающим вид на изящный изгиб ключиц, жемчужное кольцо, тонкая шея, чуть напудренное лицо, манящие накрашенные ярко-алой помадой губы, хитро прищуренные глаза и копна медных кудрей, рассыпавшихся по плечам. Девушка выглядела привлекательно... и даже слишком. Поэтому, Генрих, быстро заглушив порыв проснувшихся в нем чувств, спокойно ответил:

– Немец.

Фон Оберштейн заметил, как после его ответа изменилось выражение лица девушки – всего за какую-то секунду оно стало надменным и полным не то разочарования, не то презрения. Но это ничуть не смутило мужчину – он знал, что такое отношение к немцам появилось у Иды из-за происходящего в Германии.

– Но не волнуйтесь, – Генрих решил заверить ее, обаятельно улыбнувшись, – никаких разговоров о политике я вести сегодня не буду.

– Да и не надо, – Ида презрительно дернула плечиками, – вся ваша натура буквально кричит об этом, восхваляя Гитлера.

– Я не военный, так что на мне нет ни формы, ни чего-либо другого, что...

– Поверьте мне, я же все прекрасно вижу. Да и другие тоже.

– Ида! – прикрикнула на нее мать. И, уже обратившись к Генриху, произнесла намного тише: – Я прошу прощения за нее. Она всегда отличалась... прямотой.

– Не извиняйся за меня, мама, – вздохнула девушка. – Это он перед нами должен извиняться за все то, что они устроили в Германии.

– Ида! – женщина снова повысила голос. – Если не можешь сказать ничего толкового, то лучше молчи и не носи чушь.

Генрих прекрасно понимал ее мать. Она чувствовала, что война с Германией неминуема, а потому муж-немец – прекрасный подарок судьбы для Иды, реальное происхождение которой она так тщательно пыталась скрыть. Так она будет в безопасности, если немцы доберутся до польских евреев. Да и к тому же ее явно привлек тот факт, что он при деньгах... Поэтому, понимая все это, Генрих решил ей подыграть.

– Вы считаете наци презренными людьми и удивляетесь, почему они...

Ида перебила его:

– Я считаю, что они позорят людей немецкой национальности.

– Однако, – упрямо возразил Генрих, – не кто-нибудь, а Гитлер сейчас диктует свою волю Европе.

– Европа – это и Советский Союз? – никак не унималась девушка.

– Но ведь Сталин подписал пакт с Гитлером.

Ида замолчала, не найдя, что ответить. Генрих, видя, как взволнована ее мать, которая уже явно возложила какие-то надежды на него, решил разрядить обстановку и, достав из кармана пиджака пачку сигарет, деликатно спросил:

– Позволите?

– А зачем вы спрашиваете? – хмыкнула девушка. – Это, наверное, мы у вас должны просить разрешения сидеть рядом с вами.

– Ида! – снова вскрикнула пани Берг. – Это было последней каплей. Простите ее, герр... Ох, мне так стыдно за нее... Можете курить – она спокойно относится к запаху сигаретного дыма.

– Ну что вы, – Генрих расплылся в приятной улыбке, закурив, – ничего страшного.

Девушка резко встала со своего места и, даже не взглянув в сторону мужчины, вышла из-за стола:

– Пойдем, мама, нам пора домой. К тому же, меня раздражает запах дыма, – и, не дожидаясь ответа, она прошла к выходу.

Женщина, проводив взглядом дочь, снова начала извиняться перед фон Оберштейном за капризное поведение Иды, которое было так нехарактерно для нее. Генрих же, улыбнувшись, заверил ее, что ничуть не сердится, и попросил ее поторопиться за дочерью; а он же заплатит за их столик. Пани Берг, рассыпаясь в благодарностях, удалилась за дочерью.

Генрих затянулся, проследив за ними в окно, откуда было хорошо видно освещенную ярким фонарем улицу, и, убедившись, что они сели в такси и уехали, расслабился. Краем глаза

заметил забытые на стуле букеты цветов и ухмыльнулся сам себе. По его мнению вечер прошел отлично.

[1] Иго Сым – польский актёр театра и кино, коллаборационист.

Глава II

Все поместье было вызывающе роскошно. Дом из белого кирпича с мраморной отделкой в георгианско-колониальном стиле смотрел фасадом в сторону уходящего вдаль леса. Зеленый газон начинался почти у самых ворот, добрую четверть мили бежал к дому между клумб и дорожек, усыпанных кирпичной крошкой, и, наконец, словно бы с разбегу взлетал по стене вьющимися виноградными лозами. Ряд высоких двустворчатых окон прорезал фасад по всей длине; сейчас они были распахнуты навстречу теплому вечернему ветру, и стекла пламенели отблесками золота.

Рядом с домом, на брезенте, натянутом поверх газона, уже давно начались танцы: старички двигали перед собой пятившихся молодых девиц, выписывая бесконечные неуклюжие петли; по краям топтались самодовольные пары, сплетаясь в причудливом модном изгибе тел, – и очень много девушек танцевало в одиночку, каждая на свой лад, а то вдруг давали минутную передышку музыканту, игравшему на банджо или на кастаньетах. К полуночи веселье было в полном разгаре. Уже знаменитый тенор спел итальянскую арию, а прославленное контральто – джазовую песенку, а в перерывах между номерами гости развлекались сами, изощряясь, кто как мог, и к летнему небу летели всплески пустого, беспечного смеха.

Стоявший чуть в стороне ото всех Генрих фон Оберштейн, приняв поданный ему лакеем бокал пенящегося шампанского, снова окинул внимательным взглядом веселящихся гостей. Он знал, что этот вечер устроил один польский промышленник – пару лет назад он побывал в Америке на вилле одного богача, который каждые выходные закатывал на ней такие вечеринки. И теперь, вернувшись в Польшу, этот промышленник тоже стал устраивать у себя в поместье такие же празднества, разве что не так часто. Попасть сюда было почти невозможно – для этого надо быть или известным, или богатым.

Свою непосредственную работу на сегодняшний вечер Генрих уже выполнил, так что позволил себе остаться и немного развлечься.

Иду с ее матерью Генрих заметил уже давно – они все время находились рядом с Иго Сымом, который и привел их на этот вечер. Ханки Ордонувны сегодня не было – по каким-то причинам приехать ей не удалось, – поэтому Иго был вынужден находиться в обществе этих дам. Даже со своего места Генрих видел, что ни Ида, ни Иго от этого удовольствия не испытывают – на лицах обоих явно читалось недовольство и раздражение.

Фон Оберштейн знал, что Иго Сым – коллаборационист и давно работает на Германию. Пару раз он даже видел его в Берлине, но не контактировал с ним. Также он знал, что и польская разведка осведомлена о связях Сыма с Германией. И сейчас, видя, как пани Берг настойчиво пытается свести свою дочь с этим актером, который уже и без того крутит роман с женатой женщиной, Генрих никак не мог понять, зачем она так гонится за славой и деньгами.

Заскучав на своем месте, он подошел чуть ближе к ним, чтобы сквозь шум громкой музыки хоть немного расслышать то, о чем они втроем говорили. В этот же момент Иго и Ида поставили полупустые бокалы на поднос вовремя подскочившего к ним лакея и прошли в толпу танцующих на брезенте. Но не успели они взяться за руки, как какой-то молодой человек подскочил к Иго и шепнул что-то на ухо – наверняка, новость о том, что прибыла Ханка, – и Иго, быстро развернувшись, пошел прочь с брезента, уходя по дорожке куда-то в сторону ворот, где яркими огнями блестели фары стоявших там автомобилей. Ида растерянно осталась стоять одна.

– Добрый вечер, – ловко подхватив девушку, Генрих утянул ее за собой в танец, не оставляя возможности уйти.

– Вы! – воскликнула она.

Ее лицо сначала озарилось каким-то светом, будто бы она была рада, что ее спасли из этого неловкого положения, но спустя мгновение, увидев, кто стал ее спасителем, она помрачнела; в глазах ее зажглись какие-то недобрые огоньки – хотя Генрих решил, что это всего лишь отражение огней дома.

Ида выглядела сегодня замечательно. На ней было надето платье из коричневого в разводах муслина, туго натянувшееся на ее округлых бедрах. У платья была открытая спина, поэтому Генрих позволил себе касаться ее кожи, мягко скользя по ней рукой. Шею ее мягко обхватывала черная бархотка с небольшой изумрудной подвеской по центру. Медного цвета волосы девушки были собраны в прическу, но непослушные кудри все равно выбивались из нее и красиво обрамляли ее лицо.

– Что вам надо от меня? – спросила она, глядя на Генриха.

– Вам неприятно мое общество? – вопросом на вопрос ответил он ей.

– Разве вы не поняли это из нашего последнего разговора?

– Я думал, – он растянул губы в улыбке, – что вы могли переменить свое мнение за прошедшие несколько месяцев.

– Вы не поверите, но я верна данному мною слову, – гордо заявила Ида. – И ничто не может заставить меня изменить мое мнение.

– Ах вот как, – Генрих не удержался от усмешки.

– Я сказала что-то смешное? – девушка нахмурилась. – Вы находите меня смешной?

– Ну что вы...

Генрих поймал себя на мысли, что снова любуется красотой этой девушки. Он хотел, чтобы музыка никогда не кончалась, чтобы всегда держать ее за руку, гладить по мягкой коже, чувствовать ее порывистое дыхание на своей шее, чувствовать приятный запах ее духов. И пусть бы она и дальше так зло и с презрением смотрела на него – лишь бы не отпускать ее...

Но музыка стихла на пару мгновений, и Ида сразу же постаралась отделаться от общества Генриха, развернувшись на каблуках и собравшись уйти в сторону, где осталась ее мать. Но немец так и не выпустил ее руки из своей, лишь ловчее подхватил ее под локоть и уже сам повел ее в сторону ее матери.

– Пустите меня! – прошипела Ида, пытаясь вырваться.

– Кажется, ваша матушка уже успела заметить меня и хочет поговорить, – будто не услышав ее слов, произнес Генрих. – Пойдемте же к ней.

Они подошли к пани Берг, которая, заметив Иду в сопровождении Генриха, засияла – ей снова улыбнулась удача. Приятно заулыбавшись, она кивком головы поприветствовала его и сказала:

– Не ожидала встретить вас здесь. Вы здесь частый гость?

Генрих чуть помедлил с ответом. Его сюда никто не приглашал – он пришел сам, благо фамилия его дядюшки была известна многим. И это был первый раз, когда он попал на такой роскошный вечер польского промышленника, да и то по работе.

– Не то чтобы частый, но желанный, – с улыбкой ответил он наконец.

Он знал, что именно такого ответа и ждет пани Берг – уж она-то с дочерью явно сюда попала с трудом. Таким ответом он еще больше сможет расположить их к себе, а особенно мать Иды, которая стремится постоянно находиться только в высших слоях общества. А именно это ему и нужно было.

– Что ж, думаю, мы еще не раз увидимся здесь с вами, – произнесла она. Взгляд ее случайно упал на аккуратные часики, покоящиеся на ее запястье. – О Боже! Пойдемте скорее в

столовую. Там сейчас подадут ужин. Вы же, – она обратилась к Генриху, – не откажете провести с нами время?

В голове Генриха быстро пронеслась мысль о том, как быстро женщина забыла о Сыеме, возле которого они вдвоем крутились добрую часть вечера. Он усмехнулся про себя.

– Как я могу отказать вам? – со вздохом ответил он и пошел следом за пани Берг, ведя Иду под руку. Все это время девушка угрюмо молчала.

Они прошли в огромную роскошную гостевую столовую, где уже подавали ужин. Традиционного большого стола не было, зато в зале стояло с дюжину небольших круглых столов, частично уже занятых теми, кто порядком устал от громкой музыки и танцев.

Втроем они расположились за свободным столиком в углу. Только пани Берг успела командовать, чтобы им подали ужин, как тут же извинилась, сказав, что якобы должна отойти к одной своей знакомой, и упорхнула из-за стола, оставив Иду и фон Оберштейна наедине.

– Вам приятно сидеть рядом со мной? – решив прервать затянувшееся молчание, негромко спросил Генрих, когда им принесли на тарелках ужин.

Но девушка промолчала, отведя взгляд в сторону. Поэтому немец, озабоченно разворачивая салфетку и кладя ее себе на колени, осведомился:

– Может, я могу вам что-то предложить?

Все также не глядя в его сторону, она тихо произнесла:

– Я почти ничего не ем.

– Выпейте хотя бы вина.

– Только чтобы доставить вам удовольствие, – в ее голосе явно сквозило неудовольствие.

И впервые внимательно взглянув на него, спросила:

– Что вы думаете обо мне?

– Вы очень красивая девушка, Ида, – Генрих не стал медлить с ответом. – У вас есть характер, и мне это нравится.

– И все?

– А что вы еще хотели услышать?

– Господин Генрих, у вас сложилось обо мне представление как о легкомысленной женщине. Но, право, я не такая. Я люблю...

– Детей, кухню, церковь, – подсказал Генрих, не упуская возможности пошутить.

– Нет, я люблю честных и смелых людей, – дерзко ответила она. – А не таких как вы. Я знаю, что вам надо от меня. Но знайте: вы мне противны. Я ненавижу вас...

Ида не успела договорить – вернулась ее мать. Усевшись за стол, она любезно поинтересовалась, не заскучили ли они здесь вдвоем в ее отсутствие. Заверив ее, что все было прекрасно, Генрих улыбнулся, хитро взглянув на замолчавшую девушку.

Ужин стал проходить в своем размеренном темпе, с тихими разговорами за вином. Правда, Ида все время молчала, невесело уставившись в свою тарелку с едой, к которой она почти и не притронулась. Неожиданно она произнесла, когда ее мать разговаривала с Генрихом о чем-то несущественном:

– Вы ээсовец?

Генрих отрицательно качнул головой.

– Ничего, вы им будете, – твердо пообещала Ида. Подняла глаза, сказала значительно: – Но учтите, робких и неумелых там не терпят.

Ее мать уже хотела запричитать о том, как ужасно поведение ее дочери и сделать ей замечание, а заодно и свести этим самым возможный конфликт с фон Оберштейном на нет. Но Генрих лишь улыбнулся и знаком руки показал ей, что все в порядке.

– Ну к чему такие мрачные мысли за веселым столом! – заметил Генрих. – Да и к тому же, вы забыли, но я вскоре займу место моего дядюшки и тоже стану промышленником.

– И это говорит немец? – невесело усмехнулась девушка.

– Ида! – прикрикнула с противоположного конца стола пани Берг и робко взглянула на дочь.

Ида даже головы не повернула в ее сторону, продолжая недобро смотреть своими красивыми глазами на него. С усилием раздвигая накрашенные ярко-алой помадой губы, спросила:

– О, я могу еще любезничать с мужчиной, не правда ли? – Помедлив, сказала серьезно: – Мы с вами принадлежим к одному поколению. У наших родителей поражение в той войне убило душу. Это у одних. У других – отняло жизнь... – Добавила с усмешкой: – Мне еще повезло: мама говорила, что в те годы рождались младенцы без ногтей и волос – уроды. И у матерей не было молока, детей выкармливали искусственно. Этакие вагнеровские гомункулы. И мы имеем право мстить за это. Да, мстить, – жестко повторила она.

– Кому? – поинтересовался Генрих, хотя прекрасно понимал, к чему она клонит.

– Всем.

– Вы говорите как член Союза немецких девушек.

– Я никогда не стану такой, как они, – ледяным тоном произнесла Ида и отвернулась от него, тем самым показывая, что разговор закончен.

Пани Берг, вновь с укором взглянув на дочь, негромко произнесла:

– Ты хоть когда-нибудь можешь вести себя прилично в обществе этого замечательного мужчины?

Генрих не сдержал улыбки и спросил:

– Разрешите, пани Берг, поднять этот бокал за здоровье вашей дочери?

Пани Берг ахнула и, расплывшись в улыбке, смахнула с глаз еле заметную слезинку. Ида бросила недовольный взгляд на Генриха и, опуская глаза, прошептала:

– Вы чересчур любезны.

Вместе они просидели еще около часа. Потом женщины засобирались домой. Фон Оберштейн взялся их проводить до ворот и усадить в такси.

Уже когда они были снаружи у сверкающих машин, и пани Берг усаживалась внутрь одной из них, Генрих, который вновь вел молчащую Иду под руку, воспользовался моментом, пока ее мать ничего не видит, и произнес тихо:

– Ида, будьте осторожны в ближайшее время, – и быстро поцеловал ее.

Когда же спустя пару мгновений он отстранился от нее и лукаво взглянул на нее, он заметил, что Ида рассердилась. Она даже хотела было замахнуться и дать ему пощечину, но лишь плотнее сжала губы и, опустив руку, села вслед за матерью в машину.

Проводив уехавшую машину взглядом, Генрих засунул руки в карманы брюк и легкой походкой направился назад к дому. Довольная ухмылка так и не слезала с его лица – Ида целовалась чертовски хорошо, и губы у нее были такие мягкие и чувственные...

Не останавливаясь, Генрих на ходу высунул руку из кармана и расстегнул верхние пуговицы на рубашке. Сегодня была, на удивление, жаркая ночь. Жаркая августовская ночь тридцать девятого года.

Глава III

Генрих, сложив руки у себя за спиной и сдвинув фуражку на затылок, неспеша прогуливался по улицам Кракова. Ему не верилось, что всего пару месяцев назад он и еще двадцать пять агентов активно занимались контрабандой оружия и подготовкой к боевым операциям в Тешинской Силезии, что он играл активную роль в подготовке нападения немецких диверсантов на польских пограничников на Яблунковском перевале, за что теперь получил новый мундир, сменив петлицы фельдфебеля на гауптшарфюрера – благо, его отец был хорошо знаком с Крихбаумом [1], который помог устроить перевод.

После успешно проведенных здесь, на территории Польши, операций фон Оберштейн получил несколько дней выходных, после которых он должен был явиться в Берлин, где после встречи с Мюллером должна была решиться его дальнейшая судьба. Поэтому сейчас он тратил эти деньки на отдых, прогуливаясь по городу – он знал, что вряд ли снова вернется сюда.

Теперь жизнь в Кракове совершенно изменилась и стала похожа на безумие – никто никому не верил, все были напуганы частыми расстрелами. Многие, в особенности евреи, пытались тайно сбежать не только из города, но и из страны. Но Генриха это не пугало – он знал, что так и будет. Так и никак иначе.

Вопрос с евреями его не особо волновал – какая разница, какую цену придется заплатить для достижения мечты, для прихода в рай? Ему вообще было наплевать на это – фон Оберштейна не заботили евреи, его заботило лишь собственное благополучие. Евреем больше, евреем меньше – какая разница?

Завернув в ближайшее кафе с летней верандой, он уселся под навесом и заказал у угрюмого поляка-официанта чашку кофе – до того, как за ним заедет машина, оставалось еще достаточно времени, чтобы немного передохнуть. Какое-то приятное чувство зашевелилось внутри него, когда официант нехотя поплелся исполнять его желание – он не хотел, но повиновался.

Больше всего Генрих любил повиновение. Он обожал это чувство, возникающее у него, когда другие люди должны были повиноваться, подчиняться ему, хотели они того или нет. Он буквально приходил в восторг, когда такие люди, скрипя зубами, униженные, все равно исполняли его волю

Отпив горячий кофе из белой фарфоровой чашки, фон Оберштейн причмокнул губами и блаженно закрыл глаза. Сегодня было, на удивление, довольно-таки хорошее для начала ноября утро – солнечное и почти безоблачное. Раскрыв глаза, он потянулся в карман за пачкой сигарет – ему-то почему-то неожиданно захотелось закурить.

Пуская в светлое небо сизый сигаретный дым и думая о чем-то вечном и философском, он краем глаза заметил знакомую фигурку, торопливо двигавшуюся по улице мимо кафе, где сидел Генрих. Мужчина не знал, заметила ли девушка его и теперь намеренно хочет избежать встречи или же нет, но решил все-таки подзвать ее к себе. Уже когда она поравнялась с его столиком, он окликнул ее:

– Ида, постойте.

Она приостановилась на секунду, взглянула в его сторону и, презрительно дернув плечиками, двинулась дальше, тряхнув копной своих прекрасных медных кудрей.

– Это приказ, – произнес уже чуть громче фон Оберштейн, еле заметно улыбнувшись уголками губ. Он знал, что теперь-то она уж точно остановится – она должна подчиниться немецкому офицеру.

Ида остановилась, но оборачиваться не стала и продолжала стоять спиной к Генриху.

– Вы меня не узнали? – спросил он, глядя на замершую на месте девушку.

Берг резким движением обернулась и внимательно посмотрела на него. Видимо, сразу же узнав его, она презрительно поджала губы и тяжело выдохнула; в глазах ее как будто бы сразу зажегся какой-то недобрый огонь.

– Можете присесть рядом, – он кивнул на соседний стул за его столиком. – Нам надо поговорить.

– Напоминаю вам, – почти что прошипела девушка, – что евреям запрещено посещать кафе и рестораны, гулять в парках и даже сидеть на лавках. Так что я лучше постою.

– Так вы же полячка, – Генрих не удержался, чтобы не подловить ее на слове, на что она снова возмущенно передернула плечами. – Вы можете присесть рядом, – повторил Генрих, сделав затяжку. – Я разрешаю вам.

Ида колебалась еще с полминуты – она понимала, что ей теперь не отделаться от фон Оберштейна, да и нарушать новые законы она не особо хотела, потому что знала, какое нака-

зание за это может последовать. Посмотрев по сторонам и убедившись, что пока что ей ничего не угрожает из-за звания Генриха, она неохотно послушалась и села на соседний с ним стул.

Генрих, сделав очередную затяжку, внимательно оглядел девушку. Она была прелестна в своем простом черном платье и черном пальто, прелестны были ее похудевшие руки с тонкими пальцами, прелестна твердая шея, прелестны медные вьющиеся волосы расстроившейся прически, прелестны ее карие глаза, горевшие ненавистью; но было что-то ужасное и жестокое в ее прелести.

– Что вам от меня надо? – холодно спросила Ида, продолжая смотреть прямо в глаза мужчине.

Фон Оберштейн задумчиво облизнул губы. Он знал, что Ида ненавидит всего две вещи: его и подчиняться. Тем не менее, сейчас она сидела рядом с ним, подчинившись его приказу. От чувства собственного превосходства приятно закололо где-то в пальцах на ногах.

– Чем планируете заняться? – спросил он.

– Как можно скорее избавиться от вашей компании и вернуться домой.

– В широком смысле.

Ида долго не отвечала, обдумывая что-то, покусывая при этом губы. Но Генрих не торопил ее с ответом, лишь бросил на нее хитрый взгляд и отпил еще немного кофе из чашки.

– Наверняка вы подумывали о том, как бы сбежать из страны, – он продолжал смотреть на нее в упор. – Или выйти замуж за какого-нибудь влиятельного поляка или... немца, вроде меня. Разве ваша матушка не считает меня хорошей партией? – Он встретился с ее немного испуганным взглядом. – Хочу вас предупредить: будьте осторожнее с Сымом. После капитуляции он получил статус Фольксдойче [2]... Будьте осторожны, он не тот, за кого себя выдает...

– Вы сами не тот, за кого себя выдаете! – сказала торжествующе девушка. – Говорили, что приехали к своему дядюшке, а теперь сидите тут в своей форме...

– К тому же, пан Сым скорее заинтересован в Ханке Ордонувне...

– Какой же вы, – Генрих отчетливо видел, что Ида тщательно подбирает каждое слово, которое она собирается произнести, – бессовестный...

– Вы что же, считаете, среди нас, немцев, нет порядочных людей? – И добавил: – И, кроме того, вы такая хорошенькая, что я, естественно, могу испытывать к вам особые, нежные чувства.

– Чувства! – презрительно сказала Ида, резко вставая со своего места. – Все вы не такой.

Она развернулась и стремительно зашагала в ту сторону, откуда пришла. Генрих же, оставив деньги за кофе на столе, поспешил за ней. Он не собирался ее просто так отпустить.

– А какой?

Он вдруг вырос перед ней и, схватив ее за руки, заставил остановиться и посмотреть на себя, задав этот простой, на первый взгляд, вопрос. Мужчина глядел прямо ей в лицо, хотя уже наизусть знал каждую его черточку. Он знал эти глаза, эти брови, этот нос, эти губы... Он знал, что если чуть сильнее сожмет пальцы на ее руках, то там наверняка на следующий день появятся синяки, но продолжал только крепче впиваться в нее пальцами.

– А какой, вы хотите, чтобы я была?

Эти слова оглушили его, нарушив возникшую для него тишину, окружившую их двоих. Ему даже показалось, что в глазах на пару мгновений потемнело...

В ту самую секунду, когда она произнесла эти слова, он хотел схватить ее за шею и придушить; или вытащить пистолет и если не пристрелить, то хотя бы ударить рукояткой; или дать ей пощечину – ведь он немецкий офицер, так что он может обращаться с ней как ему вздумается. Но он ничего этого не сделал. Генрих так и продолжал стоять, глядя в её глаза, полные решимости и ненависти к нему, и крепко держать ее за руки.

В этот момент он ясно понял, как сильно он ненавидит. Он ненавидел ее с того самого дня, как увидел ее, с того самого момента, как впервые потанцевал с ней в ресторане. Он ненавидел Иду за ее красоту, за ее голос, за ее фигуру. Он ненавидел за ее свободолюбие, за ее открытость и решимость, за ее смелость. А за ее нежелание покориться ему он ненавидел ее сильнее с каждой секундой.

Вместе с осознанием чувства ненависти к Иде, Генрих понял, что совершенно не хочет отпускать девушку. Он не хотел, чтобы она сейчас развернулась и ушла, не хотел, чтобы ее красоту видели другие, чтобы кто-то касался ее нежных рук или глядел в ее карие глаза. Он не хотел, чтобы она досталась кому-то другому. И от осознания, что он не может остановить ее, не может овладеть ею, он ненавидел ее ещё больше.

Фон Оберштейн так ничего и не ответил на ее вопрос. Когда молчание уж слишком затянулось, он с трудом отцепил пальцы от ее руки и сделал небольшой шаг назад, тяжело дыша. Они так и продолжали неотрывно смотреть друг другу в глаза, и у обоих они пылали адской ненавистью друг к другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.